

Бету выдвигали вперед, как боевого слона... Самой младшей, Касе, исполнилось недавно четырнадцать лет, но этот феноменальный ребенок перерос на целую голову свою мать, далеко превзойдя своих сестер могучей рельефностью форм... Это разделение семейных прелестей хорошо было известно на заводе и т. п.

Опять-таки вспоминаешь об одном из учителей Куприна — Чехове и его описание семейства Туркиных в «Ионыче», где у «каждого члена семьи был какой-нибудь свой талант». Иногда же небольшой, мимолетный штрих, подмеченный Куприным, производит эффект электрического разряда. В «Поединке» Ромашов получает письмо от пошлой и вздорной любовницы госпожи Петерсон, как водится, со стихами и — даже! — очерченным квадратиком, уведомляющим: «Я здесь поцеловала». Читая «Поединок», сам Толстой в этом месте не выдержал и остановился: «Даже изжога берет!»

Подобно большинству своих современников, писателей-реалистов XX века Бунину, Л. Андрееву, Телешову, Сергееву-Ценскому, Куприн явился мастером «малых форм» прозы — рассказа, короткой повести, оставив нам классические образцы этих жанров. Исключение — обширный роман «Яма» — при всей его социально-художественной силе в изображении «белых рабынь», мира проституции, страдает явно рыхлостью, несовершенством композиции.

Как писателя Куприна всегда отличало исключительное духовное здоровье, вкус к быту, верность реалистическим заветам. Часто, ведя художественный поиск, он отправляется от факта, который сам по себе незначителен, — от «случая из жизни», анекдота и т. д. Но, обрастая великолепными подробностями, запоминающимися мелочами, каждый факт приобретает дополнительную глубину и емкость.

Куприн не стремился решать в своих произведениях «мировые загадки», которые мучили многих его современников. Как точно сказал современный критик, «метафизические проблемы не влекли к себе Куприна, и он просто скучал бы в том мире, куда было устремлено воображение художников одного с ним поколения — Бунина с его «Господином из Сан-Франциско», Рахманинова с его «Колоколами», Андреева с его загадками души...».

Куприн всегда охотно делился «секретами» своего писательского мастерства, заботился о молодых литераторах без намека на превосходство, назидательность, менторство. Так было и тогда, когда он вел отдел прозы в редакции журнала «Мир божий», и тогда, когда, измотанный шумной и бестолковой жизнью, уединился в зеленом домике под Петербургом, в Гатчине, где его по-прежнему навещали званые и незваные — артисты цирка, клоуны, борцы, авиаторы, спортсмены, писатели, журналисты, просто бродяги и, конечно, начинающие литераторы. «На людях тяжело, а одному и вовсе крышка, — объяснял своей жене Елизавете Маврикиевне, едва сводившей концы с концами, хозяин зеленого домика, наказывая купить к обеду снова шестнадцать фунтов мяса. — Один живет только паук, а Куприн — человек веселый, и каждый гость испослан богом...»

26 августа весело и шумно отмечались дни рождения Куприна. Гости начинали съезжаться рано, к завтраку. В прихожей, почти не умолкая, трещал звонок. Появлялись два исполина — знаменитые борцы Иван Заикин и Вахтуров, для которого